

ПОНЯТНО О СЛОЖНОМ

•

ФИЛОСОФИЯ

•

ДЛЯ ТЕХ,
КТО НИЧЕГО
НЕ ПОНЯЛ

•

•

Макар Колесников

Макар Колесников

Философия для тех, кто ничего не понял

<https://litres.ru/74388862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Философию обычно начинают учить неправильно: сначала дают «бытие», «материю», «сознание», потом десяток фамилий и предлагают всё это запомнить.

А здесь другой вопрос: что эти люди вообще пытались понять?

Почему Фалес выбрал воду? Зачем Зенону понадобились Ахиллес и черепаха? Почему Сократ задавал неудобные вопросы, а Кант полез разбираться в границах разума?

Параллельно студент готовится к экзамену и замечает неприятную вещь: определение можно выучить и всё равно ничего не понять.

И да, рядом иногда появляется кот. Его философия проще: кресло, миска и покой.

Содержание

Введение	4
Базовые вопросы философии	7
Глава 1. От мифа к логосу: почему появилась философия	10
Глава 2. Элеаты и Зенон: бытие, мышление и апории	21
Глава 3. Софисты: человек, истина и спор	25
Раздел II. Сократ и Платон	33
Глава 4. Сократ: истина внутри человека	34
Глава 5. Платон: мир идей, пещера и диалектика	40
Глава 6. Платон: государство, законы и формы правления	48
Раздел III. Аристотель и Средневековье	55
Глава 7. Аристотель: материя, форма и энтелехия	56
Глава 8. Аристотель: этика, политика и логика	62
Глава 9. Средневековая философия: Августин, Фома и схоластика	66
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Макар Колесников

Философия для тех, кто ничего не понял

Введение

Вы наверняка знаете слово «философия». Да, то самое, после которого обычно появляются бытие, материя, сознание, истина, диалектика и другие тяжёлые понятия, способные испортить настроение студенту ещё до начала семестра. Возможно, вам даже говорили, что философия — это скучная дисциплина, в которой давно умершие люди веками спорили о вещах, не имеющих никакого отношения к обычной жизни.

Так вот, это неверно.

Обычный учебник проделывает с живым вопросом нехитрую операцию: вынимает из него жизнь, оставляет определение и велит его выучить.

Экзамен уже закончился. Студент выходит из аудитории и понимает: провал.

А готовился он усердно. Читал конспект, подчёркивал определения, запоминал фамилии, повторял «бытие», «истину», «сознание» и прочие слова, которые накануне даже

казались понятными. Не помогло.

А потом вытянул билет — и в голове возникла чёрная дыра.

Слова туда провалились. Фамилии тоже. Мысль исчезла первой. Осталось только внутреннее «ну...», с которого обычно начинается экзаменационная катастрофа.

Спрашивается, куда делись знания? Билет виноват? Ну да, конечно. А ещё можно обвинить преподавателя, магнитную бурю и неудачное расположение планет.

Билет здесь ни при чём. Студент набил голову чужими словами и решил, что теперь знает философию.

Теперь отматываем время назад. А экзамен ещё не наступил, конспект снова открыт. Но на этот раз студент не бросается зубрить определение. Сначала он пытается понять, какой вопрос стоял за ним.

Но одной фамилии здесь мало. Нужно понять, какой вопрос волновал философа и почему прежний ответ его не устраивал.

Вечером студент снова открывает конспект. Рядом с ноутбуком остывает чай. В кресло запрыгивает кот-обломок.

Он поворачивается на месте, укладывается на плед и закрывает глаза. Лучшее место занято, порядок восстановлен, философствовать можно где-нибудь рядом.

Кота занимали кресло, миска и покой. А вечные вопросы он оставил студенту.

Студент отвёл взгляд от конспекта и попробовал объяс-

нить определение своими словами. На втором предложении остановился.

Базовые вопросы философии

Он вернулся к конспекту. До философов было ещё далеко. Сначала шли слова, которые обычно пролистывают в надежде вернуться к ним перед экзаменом: мировоззрение, предмет философии, функции, материализм, идеализм.

Студент уже хотел пролистнуть страницу. Но именно эти слова потом будут стоять внутри почти каждого большого спора курса. Пришлось начинать с них.

Первым в списке стояло мировоззрение.

Мировоззрение и его структура

Можно не знать слова «мировоззрение» и всё равно иметь его. Мировоззрение — система общих представлений человека о мире, самом себе и своём месте в нём. В него входят знания, ценности, убеждения, идеалы, нормы и жизненные цели.

Миф, религию, философию и науку удобнее видеть не как четыре коробки, а как разные способы отвечать на вопрос «почему?». Миф держится на образе и предании. Религия связывает ответ с верой, откровением, культом и священной традицией. Философия требует понятий, рассуждения и аргументов. Наука — наблюдения, эксперимента, проверяемости и доказательства. В культуре эти способы могут пересекаться, но основания ответа у них различаются.

Основной вопрос философии

Основной вопрос философии — вопрос о соотношении бытия и мышления, материи и сознания. У него две стороны: онтологическая и гносеологическая.

Онтологическая сторона спрашивает, что первично. Если первична материя — это материализм. Если первичным признаётся духовное начало, идея, Бог или сознание — идеализм. Если материя и дух рассматриваются как два самостоятельных начала — дуализм.

Гносеологическая сторона ставит другой вопрос: познаваем ли мир? Позицию, признающую возможность познания, называют познавательным оптимизмом. Агностицизм ограничивает или отрицает возможность достоверного познания мира, скептицизм подвергает такую возможность сомнению.

Предмет и функции философии

Предмет философии — наиболее общие основания бытия, познания, человека, общества и ценностей. Поэтому один и тот же философский вопрос может касаться природы, знания, морали, политики или смысла жизни.

Когда философия формирует общую картину мира, работает мировоззренческая функция. Когда разбирает способы и основания познания — методологическая. Когда требует проверить привычные взгляды и их основания — критическая.

Аксиологическая функция связана с ценностями и оценкой. Прогностическая — с возможными направлениями развития человека, общества и знания. Интегративная связыва-

ет разные области знания в общей картине мира.

Слова «материализм», «идеализм», «рационализм», «иррационализм», «теизм» или «атеизм» лучше воспринимать как координаты спора, а не как ящики для фамилий. Одна ось спрашивает, что первично — материя или духовное начало. Другая — какую роль играет разум. Третья касается отношения к религии. Историческое деление на античную, средневековую философию, Новое время и другие периоды отвечает уже на вопрос не «что философ думает?», а «в какой эпохе идёт спор?». Смешивать эти основания — быстрый способ получить красивую, но бесполезную таблицу.

Глава 1. От мифа к логосу: почему появилась философия

У философии нет точного места рождения. А жаль. Было бы удобно.

Приезжаешь в древний город, включаешь камеру и ставишь геометку: «Здесь человек впервые задумался о смысле жизни».

Рядом уже стоит табличка. За ней — касса и сувенирная лавка.

Обычный билет — для фотографии. Билет подороже — чтобы ещё и задуматься.

Студент открыл список фамилий и поставил их в ряд:
Фалес. Анаксимандр. Анаксимен. Пифагор. Гераклит.
Эмпедокл. Демокрит.

Фамилии шли одна за другой, а ответы разбегались в разные стороны. Фалес — вода. Анаксимандр — апейрон. Анаксимен — воздух. Стоило спросить «почему?», и простой список уже не спасал.

Оставалось запомнить порядок.

Одной Грецией дело не ограничилось. Примерно в ту же историческую эпоху философские традиции складывались в Индии и Китае.

В Индии философское мышление выросло из ведийской традиции и Упанишад. Позже появились систематические

школы — даршаны, рядом развивались буддизм и джайнизм. Здесь обсуждали Брахман и Атман, карму, сансару, мокшу и пути освобождения от страдания.

В Китае философские школы складывались на фоне политических потрясений эпох Чуньцю и Чжаньго. Конфуцианцы, даосы, моисты, легисты и школа имён спорили о справедливом управлении, ритуале, законе, нравственном самосовершенствовании и пути Дао.

В самой Греции философия появилась примерно в VII–VI веках до н. э. Античную мысль условно делят на три этапа. Досократический сосредоточен на космосе, природе, первоначале, бытии и движении. Классический переносит внимание к человеку, познанию, добродетели и государству. В эллинистическую эпоху на первый план выходят свобода, счастье, судьба и душевное спокойствие.

Сначала существовала предфилософия — переходный этап между мифом и философским рассуждением. Человек уже спрашивал, откуда возник мир, почему в нём существует порядок и какое место во всём этом занимает он сам. Но отвечал с помощью богов, преданий, стихий, судьбы и космического порядка.

Миф называл виновника. Философия требовала объяснить причину.

Бурю послал бог. Хорошо. Но почему она вообще возникает? По какому порядку действует мир? Из чего он появился?

Здесь одного имени уже не хватало.

Греки не перестали верить в богов и участвовать в религиозных обрядах. Но теперь для ответа требовалось назвать причину и объяснить, почему она действует именно так.

Почему философия появилась в Древней Греции

К VII–VI векам до н. э. прежний родоплеменной строй постепенно разрушался. Возникали полисы — самостоятельные города-государства. Свободные граждане обсуждали решения на народных собраниях и в судах.

Приходилось приводить доводы, отвечать на возражения и замечать противоречия.

Одновременно развивались торговля, ремёсла и мореплавание. Греческие купцы и путешественники встречались с другими народами, узнавали их обычаи, религии и представления о происхождении мира.

Каждый народ считал истинным именно свой рассказ. Но почему греческому мифу следовало верить больше, чем финикийскому, египетскому или вавилонскому?

Греческое предание говорило одно, египетское — другое, вавилонское — третье. Верить всем сразу не получалось. Новые знания в старые объяснения тоже уже не помещались.

Греция находилась на пересечении торговых и культурных путей. Вместе с купцами и моряками сюда попадали другие способы счёта, письма и наблюдения за небом.

Основу письменности греки переняли у финикийцев. Записанные мысли теперь можно было сохранять и сравнивать.

Часть астрономических знаний греки заимствовали у вавилонян, которые задолго до них наблюдали за движением небесных тел и затмениями. Античная традиция приписывает Фалесу предсказание солнечного затмения. Однако современные исследователи сомневаются, что он мог точно его рассчитать.

В полисе приходилось спорить. Торговля сталкивала греков с чужими обычаями и мифами. Новые знания тоже требовали объяснения. Миф не исчез, но перестал быть единственным способом говорить о мире.

Натурфилософия и архэ

Первые греческие мыслители были натурфилософами. Причины грозы, движения небесных тел и происхождения мира они искали в самой природе.

Философия, физика, астрономия и геометрия тогда ещё не разделялись. Один человек мог наблюдать звёзды, заниматься вычислениями и одновременно рассуждать о происхождении космоса.

Натурфилософы искали архэ — первоначало, из которого возникло всё существующее.

Сегодня вода, воздух и огонь кажутся наивными ответами. У нас за спиной больше двух тысяч лет исследований. У первых философов такой опоры не было.

Они начинали там, где ещё не существовало готовых ответов.

С водой, воздухом и огнём они могли ошибаться. Но во-

прос уже прозвучал: из чего состоит мир? Следующему философу уже было с чем не согласиться и что предложить взамен.

Милетская школа

Первой философской школой Древней Греции считается Милетская школа. Она возникла в Милете — крупном торговом городе на западном побережье Малой Азии.

Представителями школы были Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. Все трое искали архэ, но пришли к разным ответам.

Фалес (ок. 624–546 до н. э.): вода

Фалес посмотрел на окружающий мир и решил: в основе всего находится вода.

Почему именно она?

Фалес видел в воде больше, чем одну из стихий. Она была для него исходной материей мира — влажным началом, из которого вещи возникают и к которому возвращаются. Без неё не живут растения, животные и люди. Семена содержат влагу, сама вода меняет состояние. Даже Землю Фалес представлял огромным диском, лежащим на мировом океане.

Анаксимандр (ок. 610–546 до н. э.): апейрон

Анаксимандр посмотрел на воду Фалеса и возразил.

Если первоначало должно породить всё существующее, оно не может быть одной конкретной стихией. Вода — только часть мира. Она не объясняет, откуда появляются сухое, горячее и другие противоположности.

Апейрон — беспредельное, неопределённое и вечное начало, которое не совпадает ни с одной стихией.

Из апейрона выделяются противоположности: горячее и холодное, сухое и влажное. Их взаимодействие образует космос.

Космос Анаксимандр представлял упорядоченным целым, возникшим из разделения противоположностей. В античной картине мира совершенное целое естественно мыслилось замкнутым и сферическим. Земля при этом не лежала на опоре: она удерживалась в центре потому, что была равно удалена от краёв космоса.

Ещё смелее выглядела его догадка о живом. Первые организмы, полагал Анаксимандр, возникли во влажной среде, а человек не мог появиться сразу в нынешнем виде: слишком долго человеческий ребёнок остаётся беспомощным. Это не теория эволюции в современном смысле, но для VI века до н. э. сам ход мысли был необычным: живое имеет историю.

У этого столкновения у Анаксимандра был свой порядок. Горячее теснит холодное, сухое — влажное, но ни одна сторона не побеждает навсегда. Так возникает своеобразная космическая справедливость: нарушенное равновесие снова восстанавливается.

Анаксимен (ок. 585–525 до н. э.): воздух

Анаксимен попытался соединить идеи Фалеса и Анаксимандра.

Первоначало должно быть конкретным, как вода, но од-

новременно беспредельным и подвижным.

Он выбрал воздух.

Воздух для Анаксимена был ещё и дыханием. Пока он движется, меняется и мир: разрежается — становится огнём, сгущается — превращается в ветер, облака, воду, землю и камни.

Пифагор (ок. 570–495 до н. э.) и пифагорейцы: число

Пифагорейцы предложили другой вариант первоначала — число. Мир они стремились познавать через числовой порядок и отношения. Вместо новой стихии в центре оказался принцип, который выражает устройство космоса.

Сам Пифагор собственных текстов не оставил. Его учение известно по пифагорейской традиции. Для школы число стало способом объяснять мир и искать в нём закономерность.

Пифагор вообще много путешествовал. Античная традиция связывает его с Египтом, Финикией и Вавилонией. По позднему рассказу Ямвлиха, в Египте он учился у жрецов геометрии и астрономии и знакомился с храмовыми обрядами. Подробности этой биографии появились значительно позже самого Пифагора, поэтому воспринимать их как точный маршрут нельзя, но поездку в Египет исследователи считают вполне возможной.

Для пифагорейцев число было не только способом считать. Числовые отношения, по их мысли, удерживали сам космос в порядке. Чётное и нечётное, предел и беспредель-

ное образовывали пары противоположностей, а музыкальные интервалы показывали, что гармонию можно выразить числом. Так появилось представление о «гармонии сфер»: движение небесных тел тоже подчинено числовому порядку.

Гераклит (ок. 540–480 до н. э.): огонь, Логос и изменение

Милетские мыслители искали устойчивую основу мира. Гераклит Эфесский обратил внимание на другое: мир вообще не умеет оставаться неподвижным.

День сменяется ночью, горячее остывает, живое стареет, а одно состояние переходит в другое.

Даже чай рядом с конспектом успевает остыть раньше, чем студент разберётся в определении диалектики.

С этим связана знаменитая мысль Гераклита:

«В одну и ту же реку нельзя войти дважды».

Когда человек входит снова, вода уже другая. За это время изменился и он сам.

Первоначалом Гераклит считал огонь. Огонь существует только в движении: разгорается, угасает и превращает одно состояние вещества в другое.

Космос, по Гераклиту, не был создан богами или людьми. Он всегда существовал как «вечно живой огонь».

Но постоянное изменение не означает беспорядка. Миром управляет Логос — всеобщий закон и разумный порядок.

Логос у Гераклита общий для всех. Люди, впрочем, часто живут так, будто у каждого есть собственный отдельный

мир. С этим связано его противопоставление бодрствующих и спящих: бодрствующий способен заметить общий порядок, спящий замыкается в частном переживании.

Космос при этом не идёт по прямой к окончательному состоянию. Гераклит описывает «вечно живой огонь», который мерно разгорается и угасает. За образом огня стоит мысль о едином мире, где превращения происходят по закону, а не случайной кучей событий.

Огонь показывал непрерывное изменение мира, а Логос — порядок, по которому оно происходит. Для Гераклита они ещё не были двумя отдельными началами.

Диалектика Гераклита связана с единством и борьбой противоположностей. День и ночь, жизнь и смерть, холодное и горячее не существуют отдельно друг от друга. Это стороны одного непрерывного процесса.

Эмпедокл (ок. 494–434 до н. э.): четыре стихии

Эмпедокл решил, что одного первоначала недостаточно.

В основе мира, по его мнению, находятся четыре вечных «корня»: земля, вода, воздух и огонь.

Они не возникают из ничего и не исчезают. Меняются только их сочетания и пропорции.

Разные вещи возникают из разных сочетаний четырёх элементов. Их соединяет Любовь, а разделяет Вражда. Поэтому рождение вещи — новое сочетание элементов, а гибель — распад прежнего. Сами элементы сохраняются.

Левкипп и Демокрит: атомы и пустота

Парменид, к которому мы вернёмся в следующей главе, почти лишил мир движения. Если небытия нет, куда вообще двигаться?

Левкипп и Демокрит нашли выход: есть атомы и есть пустота. Атомы сами не возникают и не уничтожаются, зато получают пространство, в котором могут двигаться.

Так Демокрит сохранил обе линии. Парменид требовал устойчивого бытия — оно осталось в неизменных атомах. Гераклит говорил об изменении — оно появилось в их движении и новых сочетаниях.

Атомы у Демокрита (ок. 460–370 до н. э.) — вечные, неделимые и неизменные материальные начала. Древнегреческий атом нельзя путать с современным: современный имеет сложное строение и может делиться.

Увидеть атом нельзя. Демокрит считал его доступным только разуму.

Сами атомы различаются формой, порядком и положением. Цвет, вкус и запах возникают в восприятии, а не принадлежат атомам как таковым.

Здесь у Демокрита появляется напряжение. О существовании атомов и пустоты чувства напрямую не сообщают — это вывод разума. Но разум начинает работу с того же чувственного опыта, которому затем отказывает в праве говорить о подлинных свойствах вещей. Атомизм оказался чрезвычайно плодотворной догадкой. При этом доказать существование именно таких неделимых частиц античный фило-

соф не мог.

Демокрит называл атом «что», а пустоту — «ничто». Пустота не была телом, но без неё атомам негде двигаться.

Перед ним были вода, апейрон, воздух, число, огонь, четыре стихии и атомы.

Сначала он пытался соединить ответы стрелками: каждый следующий должен был уточнять предыдущий. Но довольно быстро стало ясно, что в простую цепочку они уже не складываются.

Фалес искал общее начало. Анаксимандр заметил слабость конкретной стихии. Пифагорейцы увидели основу порядка в числе. Гераклит поставил в центр изменение. Эмпедокл пытался сохранить вечные элементы, не отрицая возникновения вещей. Демокрит добавил пустоту и движение атомов.

Галочка рядом с Демокритом исчезла.

Рядом осталась фраза: «Новый ответ начинается со слабого места старого».

Глава 2. Элеаты и Зенон: бытие, мышление и апории

Гераклит видел мир в постоянном движении. Элеаты сказали почти обратное: настоящее бытие не меняется. А то, что мы видим вокруг — возникновение, движение, исчезновение, — ещё не доказывает, что всё существует именно так, как нам кажется.

Элейская школа возникла в городе Элее на юге Италии. С ней связаны Ксенофан, Парменид и Зенон.

Ксенофан (ок. 570–475 до н. э.): критика антропоморфных богов

Ксенофан был поэтом-философом и одним из предшественников элейской школы. Он критиковал народную греческую религию за антропоморфизм.

Антропоморфизм — это перенесение человеческого облика и человеческих качеств на богов. Олимпийские боги имели человеческие тела, испытывали ревность, гнев и зависть, обманывали, ссорились и мстили. От людей они отличались бессмертием и могуществом, но вели себя вполне по-человечески.

Ксенофан заметил, что разные народы изображают богов похожими на себя. Он писал: если бы быки, львы и кони умели рисовать, они тоже наделили бы богов собственным обликом.

Ксенофан не был атеистом. Он отрицал не божественное вообще, а наивное представление о богах как о бессмертных людях. Множеству олимпийских богов он противопоставлял Единое — одно высшее начало, не похожее на смертных ни телом, ни мыслью. Оно едино, бестелесно и неподвижно, не имеет начала, середины и конца. Его нельзя познать через привычный человеческий образ.

Парменид (ок. 515–450 до н. э.): бытие есть

Парменид продолжил эту линию и вместо Единого поставил в центр понятие бытия. Своё учение он изложил в поэме «О природе», где богиня открывает герою два пути: путь истины и путь мнения.

Путь мнения — это мир, каким его показывают чувства. Здесь вещи рождаются, погибают, движутся, меняются и отличаются друг от друга.

Путь истины начинается с формулы:

«Бытие есть, небытия нет.»

Бытие — всё, что существует. Небытие — то, чего нет. Его нельзя представить существующей вещью, потому что тогда небытие уже превратится в бытие.

Если небытия нет, движение становится подозрительным: чтобы вещь переместилась, ей нужно оказаться там, где её ещё нет. Для Парменида такое «нет» уже слишком похоже на небытие.

Из этой формулы Парменид выводил, что бытиеечно, неделимо и неподвижно. Оно не возникает из небытия, не

разделяется пустотой и не может двигаться в пустое место.

Элеаты противопоставляли мнение и мышление. Чувства показывают изменчивый мир, а разум — неизменное бытие. По Пармениду, мыслить можно только о том, что есть.

Зенон Элейский (ок. 490–430 до н. э.) защищал Парменида с помощью апорий — парадоксов, показывающих трудности в обычном понимании движения.

Он принимал позицию противника и показывал, к каким противоречиям она приводит.

Дихотомия

Слово «дихотомия» означает деление надвое.

Чтобы достичь цели, нужно сначала пройти половину пути. Затем — половину оставшегося расстояния, потом половину нового остатка — и так без конца.

Можно рассмотреть движение и с другой стороны. Перед первой половиной пути всегда удаётся выделить ещё меньшую часть: половину половины, затем половину этой части и следующую половину.

Путь конечный. Делений — бесконечно много. Тогда почему движение вообще заканчивается?

Ахиллес и черепаха

Быстрый Ахиллес соревнуется с медленной черепахой, которой дали небольшое преимущество.

Пока Ахиллес добегаёт до места её старта, черепаха успевает продвинуться. Пока он достигает новой точки, она снова уходит вперёд.

Расстояние сокращается, но количество таких этапов можно продолжать бесконечно. В построении Зенона Ахиллес всё время приходит туда, где черепаха уже была.

В действительности Ахиллес её догонит. Но апория заставляет различать бесконечное число делений пути и бесконечную продолжительность движения.

Стрела

В каждый отдельный момент летящая стрела занимает место, равное собственной длине. В этом мгновении она находится здесь, а не переходит из одной точки в другую. Значит, в отдельно взятый момент стрела покоится.

Если всё время состоит только из таких мгновений, возникает вопрос: откуда тогда берётся движение?

Ахиллес черепаху догонит. Стрела долетит. С этим никто не спорит.

Трудность начинается, когда мы пытаемся объяснить, как именно происходит движение. Обычное рассуждение неожиданно заводит в противоречие.

Студент знал правильный ответ: Ахиллес догонит.
Но правильный ответ ещё не объяснение.

Глава 3. Софисты: человек, истина и спор

То, что ты не терял, ты имеешь. Рога ты не терял. Значит, у тебя есть рога.

Вывод, конечно же, нелепый. А где именно рассуждение сломалось — проверим потом.

Натурфилософы искали первоначало мира, а элеаты разбирались с бытием и движением. В V веке до н. э. спор переместился на афинскую площадь: как устроен закон, что считать справедливым и почему одной речи верят больше, чем другой.

Можно было быть правым и всё равно проиграть. Запнулся, сбился, не ответил на возражение — судьи поверили другому.

Почему появились софисты

В демократических Афинах умение говорить стало необходимым. Решения обсуждали на народных собраниях, судебные дела разбирали перед гражданами, а политик должен был сам защищать свою позицию.

На этой потребности выросла профессия софиста. Софисты ездили из города в город и за плату учили речи, спору, политике, языку и поведению в общественной жизни. Среди них были Протагор, Горгий, Гиппий, Продик, Антифонт и Фрасимах.

А вот Сократ к софистам не принадлежал и платы за беседы не брал. Например, софист учил строить убедительную речь. Сократ же останавливал собеседника на одном слове: «Хорошо. А что оно значит?»

Греческое слово «софист» первоначально означало мудреца или знатока. Негативный смысл появился позднее, когда критики стали связывать софистов с победой любой ценой и словесными уловками.

Общей школы у софистов не было. Каждый развивал собственные взгляды. Объединяли их платное преподавание и интерес к человеку, речи, законам и познанию.

От космоса к человеку

Раньше спорили об устройстве космоса. Теперь — о человеке, законе и силе речи.

Философия повернулась от космоса к человеку. Теперь спрашивали: как человек познаёт? Можно ли научить добродетели? Что делает речь убедительной?

В одном полисе обычай считали справедливым, в другом за него могли осудить. Закон установлен природой или людьми? Где заканчивается общий порядок и начинается договор между гражданами?

— Что такое справедливость? — спрашивал Сократ.

Прохожий замедлял шаг, отвечал первое, что приходило в голову, и через минуту уже спорил посреди площади. По своим делам он сегодня явно опаздывал.

Протагор (ок. 490–420 до н. э.): человек есть мера

Самую известную мысль софистов сформулировал Протагор:

«Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют».

В платоновском «Теэтете» эту мысль объясняет пример с ветром.

Одному человеку ветер кажется холодным, другому — нет. Для первого он холоден, для второго не холоден. Протагор связывал оценку с воспринимающим человеком. Такую позицию называют релятивизмом.

То же относится к законам. Для Протагора справедливое связано с номосом — законом или обычаем, который принимает полис. Граждане могут признать закон полезным, а затем изменить его.

Однако мнения различаются по своим последствиям. Врач меняет состояние больного, воспитатель — взгляды ученика. Спор перемещается с вопроса «истинно или ложно?» на вопрос «лучше или хуже?».

Сократ останавливал собеседника на слове «лучше».

Для кого лучше? По какому признаку?

Протагор говорил о пользе. Тогда приходилось объяснять, кто решает, что полезно.

Горгий (ок. 483–375 до н. э.): можно ли передать истину словами

Зенон брал рассуждение противника и доводил его до противоречия. Горгий сделал похожий ход с рассуждениями

элеатов о бытии.

Позицию его трактата «О небытии» передают три тезиса:

1. Ничего не существует.
2. Если что-то существует, его нельзя познать.
3. Если его можно познать, это знание нельзя передать другому.

В этих рассуждениях вещь, мысль о ней и произнесённое слово расходятся. Мысль — не сама вещь, а слушатель получает речь, а не предмет, о котором говорят.

В «Похвале Елене» Горгий разбирал уже не пределы речи, а её действие. Логос мог напугать, обрадовать или убедить. Его воздействие на душу Горгий сравнивал с действием лекарства на тело.

Миска опустела. Кот-обломовец сел рядом и поднял глаза на студента.

— Я кормил тебя двадцать минут назад, — сказал студент. Кот не двинулся.

Студент пошёл за кормом. Иногда, чтобы убедить, слова вообще не нужны.

Как учили спорить

Ученику могли поручить по очереди защищать противоположные позиции. Этот способ называют антилогикой: для одного вопроса находили два противостоящих довода.

Упражнения учили замечать двусмысленное слово, скрытую посылку и слабое место доказательства.

Софисты занимались и самим языком. Протагору приписывали разбор видов высказывания — вопроса, ответа, приказа — и грамматических родов.

Нашёл уловку в чужой речи — поймал противника. Спрятал такую же в своей — мог выиграть спор. Истиннее довод от этого не становился. За такие победы софистов и ругали.

Убедить — ещё не значит доказать.

Где в доказательстве появились рога

Вернёмся к первой посылке:

«То, что ты не терял, ты имеешь».

Она верна только при скрытом условии: раньше человек уже имел эту вещь. Из того, что он не терял рога, не следует, что рога ему принадлежали.

Рассуждение выглядит связным, но первая посылка ложна. Такое рассуждение со скрытой ошибкой называется софизмом.

Сократ остановился бы на слове «иметь». До рогов разговор уже не дошёл бы.

Студент вернулся к софизму о рогах. Название он помнил. Этого оказалось мало.

Из софизма остался не ярлык, а вывод:

Ошибка была уже в первой посылке.

Раньше студенту казалось, что на экзамене опаснее всего замолчать.

После софистов выяснилось: можно говорить долго, уверенно и связно — и всё равно не ответить.

ОТ ПРИРОДЫ К ЧЕЛОВЕКУ

Главы 1–3: от мифа к логосу, элеаты и Зенон, софисты

ОТ МИФА К ЛОГОСУ

У философии нет одной точки рождения. В греческих полисах мифическое объяснение постепенно дополнялось поиском природных причин и аргументов. Публичный спор, письмо, торговля и контакты культур помогли сравнивать ответы. В ту же эпоху свои философские традиции складывались в Индии и Китае.

МИЛЕТЦЫ И АРХЭ

Натурфилософы искали архэ — первоначало мира. Фалес называл его водой, Анаксимандр — апейроном, Анаксимен — воздухом. Важен сам переход: космос объясняют через природу, а не только через миф.

ЭЛЕАТЫ И ЗЕНОН

Ксенофан критиковал антропоморфных богов. Парменид: «Бытие есть, небытия нет»; чувства показывают изменение, разум — неизменное бытие. Зенон защищал эту позицию апориями, выявляя трудности в обычном понятии движения.

СОФИСТЫ

В Афинах софисты за плату учили речи, спору и политике. Протагор связал истину с человеком; спор о природе и законе поставил вопрос о происхождении норм. Убедительная речь ещё не гарантирует доказательства.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Чем философское объяснение отличалось от мифического?

2. Какое архэ предлагали Фалес, Анаксимандр и Анаксимен?

3. Почему Парменид отрицал изменение и для чего Зенон строил апории?

4. Что изменилось с приходом софистов и почему речь стала философской проблемой?

Раздел II. Сократ и Платон

Глава 4. Сократ: истина внутри человека

Глава 5. Платон: мир идей, пещера и диалектика

Глава 6. Платон: государство, законы и формы правления

Глава 4. Сократ: истина внутри человека

В 399 году до н. э. перед афинским судом стоял семидесятилетний Сократ. Обвинение предъявили Мелет, Анит и Ликон: городских богов не чтит, вводит новые божества, молодых людей портит. За этими формулами тянулись десятилетия разговоров на площади, в мастерских и гимнасиях.

Сократ не писал книг и, если верить платоновской «Апологии», не стал украшать защиту ораторскими приёмами. Он привык задавать вопросы. В 399 году вопросы задавал уже суд.

Накануне студент спорил в общем чате. Он отправил последнее сообщение. Собеседники больше не ответили.

Значит, победил?

Оракул

Сократ (ок. 469–399 до н. э.) родился в Афинах. Его отца звали Софрониском, и был он каменотёсом. Мать, Фенарета, работала повивальной бабкой. Из её ремесла Сократ позднее возьмёт сравнение для майевтики. Во время Пелопоннесской войны он служил гоплитом — тяжеловооружённым пехотинцем.

Собственных сочинений Сократ не оставил, поэтому его приходится собирать по чужим книгам. У Платона он ведёт диалоги и доводит собеседников до противоречия. Ксено-

фонт показывает практичного наставника. Аристофан в комедии «Облака» поселил Сократа в нелепой «мыслильне», смешав его с софистами и исследователями природы.

Портреты получились разными, привычка в них одна: Сократ расспрашивает людей, уверенных в своём знании. Натурфилософы спрашивали, из чего устроен мир. Софисты перенесли спор к человеку и речи. Сократ занялся душой, поступками, знанием, добром и справедливостью.

Началось всё, если верить платоновской «Апологии», с дельфийского оракула. Друг Сократа Херефонт спросил Пифию, есть ли человек мудрее Сократа. Жрица ответила, что нет.

Сам виновник пророчества мудрецом себя не считал и принялся проверять слова бога на афинских знатоках.

Политики рассуждали о государственных делах и путались, когда требовалось назвать основания решения. Поэты создавали хорошие стихи, но объясняли их хуже посторонних. Ремесленники действительно знали своё дело, однако это знание заставляло их считать себя знатоками и во всём остальном.

Сократ нашёл у себя только одно преимущество: собственное незнание он за знание не выдавал.

Отсюда происходит известная формула «Я знаю, что ничего не знаю». Это отнюдь не дословная цитата: у Платона именно такой формулировки нет.

Майевтика

Софист мог произнести сильную речь. Сократ просил определить главное слово: что такое справедливость, мужество или добро?

Один удачный пример определением не считался. Требовался общий смысл, который не менялся вместе с выгодой говорящего.

Собеседник давал определение. Сократ находил случай, которому оно не подходило. Ответ меняли — следующий вопрос ломал и его. Так человек либо приходил к более точной мысли, либо по крайней мере переставал считать своё незнание знанием.

Этот способ называли майевтикой — «рождением» истины в диалоге. Название связано с ремеслом Фенареты: мать помогала появиться ребёнку, сын — мысли.

Сократ будто просил помощи у знающего — это сократическая ирония. Если ответ противоречил прежнему, его опровергали. Такое опровержение называли эленхосом, а тупик — апорией.

Евтифрон

У архонта-басилевса Сократ встретил Евтифрона. Один пришёл из-за обвинения в нечестии, другой собирался обвинить собственного отца и считал это благочестивым.

Сократ попросил дать определение благочестия.

Сначала Евтифрон указал на свой поступок. Затем сказал, что благочестиво то, что любят боги.

Но боги спорят между собой.

Тогда Евтифрон уточнил: благочестиво то, что любят все боги.

Сократ задал новый вопрос: боги любят благочестивое потому, что оно благочестиво, или оно становится благочестивым благодаря их любви?

Если боги любят благочестивое за его свойства, основание находится не в самой божественной любви. Если же любовь богов делает поступок благочестивым, добро зависит от их решения.

Евтифрон ушёл, так и не дав определения.

Для Сократа разбор понятий был заботой о душе. Дельфийское «Познай самого себя» означало проверять собственные понятия и поступки.

Сократ связывал знание с поведением. Если человек утверждал, что знает добро, но сознательно выбирал зло, Сократ усомнился бы в глубине такого знания.

Эту связь знания и добродетели позднее называли этическим рационализмом. Можно ли научить добродетели, у Платона остаётся спорным вопросом.

Свободу Сократ понимал как самообладание, а не произвол. Его даймонион — внутренний божественный знак — предостерегал от некоторых поступков. Обвинители увидели в нём новое божество.

Суд

Суд проходил вскоре после поражения Афин в Пелопоннесской войне и власти Тридцати тиранов. С Сократом были

связаны Алкивиад и Критий, оставившие в городе тяжёлую память. Их имён в обвинении не было, и считать их поступки прямой причиной приговора нельзя. Но для суда 399 года это был неблагоприятный фон.

Успокаивать судей Сократ не стал. В «Апологии» он сравнил себя с оводом, который будит большого коня. Конём были Афины. Сравнение получилось точным и для оправдательной речи довольно рискованным.

После признания виновным афинская процедура позволяла обвиняемому предложить собственное наказание. Сократ заявил, что заслуживает содержания в Пританее за государственный счёт. Это была награда для людей, оказавших полису особые услуги.

Позднее друзья уговорили его назвать денежный штраф, однако суд выбрал смерть.

Побег подготовили заранее. В диалоге «Критон» Сократ отказался им воспользоваться: спасение нарушило бы его прежние рассуждения о законе и позволило бы ответить несправедливостью на несправедливость.

Последний день он провёл с друзьями. В платоновском «Федоне» они говорят о бессмертии души и о том, почему философ не должен бояться смерти.

Затем Сократ выпил яд, приготовленный из болиголова. Перед смертью он напомнил Критону о петухе, которого они должны Асклепию, богу врачевания. Платон оставил эту просьбу без объяснения.

Для Платона Сократ остался учителем и нравственным образцом, а в диалогах — главным героем.

Сократ проиграл суд, но не отказался от собственных доводов.

Студент открыл вчерашнюю переписку.

Его последнее сообщение занимало почти весь экран.

Исходный вопрос остался выше.

Глава 5. Платон: мир идей, пещера и диалектика

Ученик Сократа

Платон (ок. 428/427–348/347 до н. э.) родился в афинской аристократической семье. В Сократе он видел учителя и нравственный образец. Платон наблюдал, как тот спорит с уверенными людьми, не подстраивается под толпу и не отказывается от своих слов даже перед судом.

После казни учителя Платон уехал из Афин, путешествовал, а затем вернулся и создал Академию. В этой школе позднее учился Аристотель.

Собственное учение Платон изложил в диалогах, и главным собеседником в них чаще всего сделал Сократа.

Софисты показывали, насколько убедительным бывает мнение. Суд над Сократом показал, насколько опасным оно бывает. Платон искал истину, которую не отменишь удачной речью или большинством голосов.

Как меняется граница допустимого

В публичных спорах часто вспоминают «окно Овертона» — популярную модель того, какие политические предложения общество в данный момент считает допустимыми для обсуждения. Полезнее видеть в ней не тайную технологию перепрограммирования людей, а описание подвижной границы: нормы меняются под действием аргументов, событий,

медиа, институтов и смены поколений.

Поэтому слова «традиционные» и «новые» ещё ничего не доказывают. Любую ценностную перемену приходится разбирать по последствиям: расширяет ли она свободу и достоинство человека, создаёт ли новые формы зависимости, кого защищает и кто платит цену.

Кресло и его идея

Всё, что мы видим, меняется. Дерево растёт и засыхает. Дом строят, перестраивают и сносят. Справедливый поступок сегодня совершают, а завтра о нём забывают.

Этот изменчивый мир вещей Платон называл чувственным: мы узнаём его с помощью зрения, слуха и других ощущений.

Но отдельные вещи отличаются друг от друга, а мы всё равно узнаём в них общее.

Кресло может быть деревянным, металлическим, новым или развалившимся. Почему каждое из них остаётся креслом?

Ответ Платона — теория идей.

Для неизменной формы он использовал слова «идея» и «эйдос». Греческое «эйдос» переводят как «вид» или «форма». У Платона это вечная, неизменная и постигаемая разумом сущность вещи.

Что останется, если изменить материал, цвет и размер кресла?

Эйдос кресла.

Красивых вещей много, а идея Красоты одна. Справедливых поступков много, а идея Справедливости одна.

Вещь возникает, меняется и исчезает. Эйдос не рождается, не стареет и не разрушается. Платоновская идея не зависит от того, думает о ней человек или нет: эйдос существует самостоятельно, а отдельные вещи лишь причастны ему. Поэтому подлинной реальностью Платон называл не вещи, а идеи.

Мнение и знание

Чувственная вещь меняется и по-разному действует на наблюдателей: вода остывает, один человек мёрзнет от ветра, другой — нет. Такие суждения Платон относил к мнению. Знание в строгом смысле связывал с неизменными идеями.

Поэтому мнение у Платона не просто бесполезная ошибка. Оно может стать началом движения к знанию, если человек перестаёт довольствоваться тем, что «кажется», и начинает проверять основание своего суждения. В «Теэтете» как раз разбирается граница между ощущением, мнением и знанием.

С этим же связана платоновская формула о философии как «упражнении в умирании». В «Федоне» речь не о любви к смерти, а о тренировке души отделять рассуждение от случайных телесных желаний и страхов. Философ должен уметь не отдавать истину первому ощущению только потому, что оно сильное.

Справедливость не может становиться другой только по-

тому, что на неё посмотрел другой человек. Глаза видят поступок. Разум спрашивает, почему он справедлив и что такое Справедливость сама по себе.

Пещера

В «Государстве» Платон объясняет разницу между мнением и знанием при помощи пещеры.

Узники с детства сидят в ней, скованные так, что могут смотреть только на стену. За их спинами горит огонь, а между огнём и пленниками проносят разные предметы. На стену падают тени.

Другого мира узники не видели. Они дают теням имена, запоминают порядок их появления и считают знатоком того, кто лучше угадывает следующую.

Тень для них не изображение вещи.

Она и есть вещь.

Одного узника освобождают и заставляют повернуться. Огонь режет глаза, а предметы кажутся менее настоящими, чем знакомые тени.

Затем человека выводят наружу. Сначала он различает только отражения, потом сами вещи, небо и наконец солнце.

Если бывший узник вернётся, в темноте он сначала будет видеть хуже остальных. Над ним станут смеяться: вышел наверх и испортил зрение.

А того, кто полезет снимать с других цепи, узники могут убить. Для Платона это уже не метафора. Его учителя Сократа Афины действительно приговорили к смерти.

Четыре трактовки пещеры

Онтологическая трактовка: пещера — чувственный мир, а пространство за её пределами — мир идей.

Гносеологическая трактовка: движение от теней к солнцу показывает путь от мнения и чувственного восприятия к знанию.

Этическая трактовка: выход из пещеры связывают с освобождением человека от власти низших побуждений и движением к Благу.

Политическая трактовка: философ, увидевший истину, должен вернуться к остальным. Знание у Платона связано с обязанностью участвовать в управлении полисом.

Благо

Солнце в этом сравнении обозначает идею Блага.

Солнце нужно глазам: без света тот ничего не различит. Благо нужно разуму: без него нельзя понять, что истинно и ради чего вообще нужны справедливость, мужество или знание.

Благо — высшая идея у Платона.

Например, можно выучить определение справедливости и всё равно не понять, зачем быть справедливым. Платону нужен ответ и на этот вопрос.

Диалектика

Кресло можно увидеть глазами. Его эйдос Платон предлагал постигать разумом.

Тут нужна диалектика: вопрос, ответ, проверка, следую-

щий вопрос. Так мысль идёт от отдельной вещи к её форме, а затем — к Благу. Выше этого способа познания Платон ничего не ставил.

Диалектика здесь не означает спор ради победы. Софист мог подобрать довод под нужный результат. Диалектик проверял и противника, и себя.

Сократ добивался точного определения. Для Платона это только первый шаг. Дальше — эйдос, связь идей и Благо.

Узники спорят, какая тень настоящая.

Диалектик оборачивается и смотрит, что её отбрасывает.

Студент взял карточку с определением идеи.

На лицевой стороне помещались четыре строки.

Он перевернул её.

Обратная сторона была пустой.

ПЕЩЕРА ПЛАТОНА

Четыре трактовки пещеры

ТЕНИ

То, что узники принимают за реальность.

ОГОНЬ И ПРЕДМЕТЫ

Огонь и предметы создают тени на стене.

ВЕЩИ СПАРУЖИ

Сначала отражения, затем вещи и небо.

СОЛНЦЕ

Солнце обозначает идею Блага.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ

Пещера — чувственный мир; пространство за её пределами — мир идей.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ

Движение от теней к солнцу показывает путь от мнения и чувственного восприятия к знанию.

ЭТИЧЕСКАЯ

Выход из пещеры связывают с освобождением от власти низших побуждений и движением к Благу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

Философ, увидевший истину, должен вернуться к остальным и участвовать в управлении полисом.

БЛАГО

Благо — высшая идея у Платона. Без него нельзя понять, что истинно и ради чего нужны справедливость, мужество или знание.

Глава 6. Платон: государство, законы и формы правления

Узник вышел из пещеры, увидел солнце и понял, откуда берутся тени.

Бывший узник на этом мог считать дело законченным. Платоновский философ должен был вернуться к людям. Если понял, что такое Благо, — используй это знание для управления полисом.

От пещеры к полису

Платон видел, как афинский суд приговорил Сократа к смерти.

Голосование состоялось по закону, но справедливым от этого не стало. Для ученика Сократа вывод был неприятным: большинство способно принять решение, не зная, что такое справедливость.

В «Государстве» Платон отдал власть тем, кто знает Благо. А удачная речь, деньги и популярность права управлять не давали.

Полис должен был вести граждан к благой жизни и воспитывать их. Но охраной стен и сбором налогов дело не исчерпывается.

Справедливость Платон сначала рассматривает в масштабе целого города. Большие буквы легче читать. Если понять, как устроен справедливый полис, станет понятнее, что про-

исходит в душе отдельного человека.

Душа размером с государство

В душе Платон различал три начала.

Разумное ищет истину и должно принимать решения. Волевое отвечает за мужество, честь и способность отстаивать решение. Вождедующее связано с желаниями и телесными потребностями.

Такое же устройство Платон переносит на государство.

Разумному началу соответствуют правители-философы. Волевому — воины-стражи. Земледельцы, ремесленники и торговцы производят всё необходимое для жизни.

Справедливость у Платона начинается с разделения обязанностей: каждая часть государства должна выполнять собственное дело и не присваивать функцию другой.

Философы управляют, стражи защищают, производители работают.

Равных политических прав здесь нет. Правит тот, кто способен делать это разумно.

Философы у власти

Платоновский правитель-философ проходил долгое обучение, умел рассуждать и знал идею Блага. Он должен был отличать пользу всего государства от собственной выгоды.

В «Государстве» Платон делает неожиданный ход. Казалось бы, управлять должен тот, кто больше всех хочет власти. А вот и нет. Философ уже увидел Благо и мог бы остаться наверху, подальше от политической суеты. Но именно его

Платон отправляет обратно в пещеру — управлять полисом. А человек, который слишком рвётся командовать, у него как раз вызывает подозрение.

Правителям и стражам Платон не позволил обзавестись частным богатством: государственная должность слишком легко превращается в семейный бизнес. Семью он тоже поставил под контроль полиса.

Производители сохраняли имущество и занимались хозяйством.

Частной жизни в этом устройстве оставалось мало. Государство решает, кого и как воспитывать, кто к какому делу способен и какую жизнь должен вести.

Личная свобода у Платона уступает единству полиса. Он боялся, что частный интерес разорвёт государство на соперничающие части.

Пять форм правления

Лучшее устройство Платон называл аристократией — властью лучших.

Речь шла не о людях с длинной родословной, а о мудрых и добродетельных правителях, знающих Благо.

Идеальная аристократия держалась, пока разум управлял честолюбием. Стоило воинам поставить честь выше знания — появлялась тимократия. Там ценили славу, победу и порядок.

Потом мерой человека становилось имущество. Тимократия уступала олигархии: правили богатые, а полис раскалы-

вался на богатых и бедных.

Олигархия доводила раскол до бунта. Бедные побеждали богатых, власть переходила к большинству — возникала демократия.

В демократии Платона тревожила свобода, потерявшая меру. Разные желания начинали требовать равного права на удовлетворение. Разум переставал ими управлять, а любое ограничение воспринималось как посягательство на свободу.

Речь идёт об афинской прямой демократии. Современных парламентов Платон не знал, зато хорошо помнил афинский суд над Сократом.

Финал этой цепочки — тирания.

Среди общего беспорядка появлялся защитник народа, обещал восстановить порядок, расправлялся с противниками и оставался единственным правителем.

Избыток свободы заканчивался властью одного человека.

Для Платона это худший режим: тиран управлял другими, но сам подчинялся страху и собственным страстям.

У государства портится то же, что и у человека: разум уступает честолюбию, честолюбие — богатству, богатство — желаниям, а желания приводят к произволу.

Сиракузы и «Законы»

Платон несколько раз ездил в Сиракузы, надеясь воспитать философа-правителя и приблизить реальный полис к своему проекту.

После смерти Дионисия Старшего он вместе с Дионом сделал ставку на Дионисия Младшего. Опыт закончился конфликтом.

В «Законах» цель уже другая. Порядок больше не держится на одном философе-правителе. Над гражданами и правителями стоят законы.

Частную собственность Платон сохранил, но ограничил. Государство по-прежнему строго следит за воспитанием и образом жизни граждан. Но требования стали мягче.

Полис приходилось строить из несовершенных людей — других у Платона не было.

Знания Блага оказалось мало.

Даже правителю понадобился закон.

В конспекте пять форм правления стояли аккуратным списком:

аристократия, тимократия, олигархия, демократия, тирания.

Выучить его можно.

Объяснить — уже сложно.

Студент вернулся к суду над Сократом и записал рядом:

«Почему Платон не доверял афинской демократии?»

Ниже появился второй вопрос:

«Если знание Блага даёт право управлять, кто проверит самого знающего?»

СОКРАТ И ПЛАТОН

Главы 4–6: Сократ, мир идей и пещера, государство и законы

СОКРАТ

Сократ искал определения добра, справедливости и мужества. Эленхос проверял ответ через противоречие; апория фиксировала тупик; майевтика помогала собеседнику самому уточнить мысль. Ирония начинается с признания собственного незнания.

ПЛАТОН: ИДЕИ И БЛАГО

Чувственный мир изменчив. Эйдос — вечная, неизменная и постигаемая разумом сущность. Мнение относится к изменчивым вещам; знание связано с идеями. Высшая идея — Благо.

ПЕЩЕРА ПЛАТОНА

Пещера показывает путь от мнения к знанию: тени → вещи → выход → солнце. Онтологически — от чувственного к идеям; гносеологически — от мнения к знанию; этически — к Благому; политически — возвращение философа к другим.

ДУША, ГОСУДАРСТВО И ЗАКОНЫ

Три начала души: разумное, волевое и вожделеющее. Им соответствуют философы-правители, стражи и производители. Платон различает аристократию, тимократию, олигархию, демократию и тиранию. В «Законах» порядок уже опирается на закон, а не только на мудрость правителя.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Что у Сократа означают эленхос, апория и майевтика?

2. Что такое эйдос и чем знание отличается от мнения?

3. Какие четыре смысла мифа о пещере раскрываются в книге?

4. Как соотносятся три части души, слои полиса и формы правления у Платона?

Раздел III. Аристотель и Средневековье

Глава 7. Аристотель: материя, форма и энтелехия

Глава 8. Аристотель: этика, политика и логика

Глава 9. Средневековая философия: Августин, Фома и
схоластика

Глава 7. Аристотель: материя, форма и энтелехия

Платон отправил сущность вещи в мир идей. Аристотель вернул её обратно — к столу, растению, живому телу.

Кресло, занятое котом, тоже годилось для разбора: из чего оно сделано, кто придал ему форму и ради чего оно существует?

Аристотель (384–322 до н. э.) учился у Платона, но повторять учителя не собирался. Позднее смысл их спора уместили во фразу: «Платон мне друг, но истина дороже».

К основным произведениям Аристотеля относятся «Метафизика», «Никомахова этика», «Политика» и логические трактаты, позднее объединённые под названием «Органон».

Платон считал видимые предметы изменчивыми подобиями вечных идей. Конкретные лошади рождаются и умирают, а идея лошади остаётся.

Аристотель видел здесь проблему: идея, существующая отдельно от лошади, не объясняет, как лошадь рождается, меняется и остаётся лошадью.

У Платона эйдос существует отдельно от вещи. У Аристотеля форма находится в самой вещи. Материя даёт возможность, форма превращает её в действительность. Стол, растение, животное и человек сами давали материал для разбора: состав, устройство, источник изменения, цель.

Материя и форма

В «Метафизике» Аристотель объясняет телесную вещь через материю и форму.

Материя отвечает на вопрос «из чего?». У статуи это мрамор, у горшка — глина, у кресла — дерево и ткань.

Одного материала, конечно, недостаточно. Кусок мрамора ещё не статуя, а комок глины ещё не горшок.

Форму Аристотель понимал шире обычного внешнего контура. Она определяет устройство вещи и делает её именно этой вещью.

Из одной глины можно сделать чашу, кирпич или фигурку. Пока форма не задана, все три существуют только в возможности.

Отдельного адреса у формы Аристотель не оставил: она существует в конкретной вещи.

Четыре причины

На кресле и проверим четыре причины.

Материальная причина — дерево, ткань и всё, из чего кресло сделано.

Формальная — устройство, благодаря которому перед нами кресло, а не куча досок.

Движущая причина — работа мастера, превратившего материал в готовую вещь.

Целевая причина — сидеть и отдыхать.

Мастер задаёт креслу назначение извне. Дубу мастер не требуется: направление его развития уже заключено в жёлу-

де. Котёнок по своей природе становится взрослым котом.

Возможность, энтелехия и перводвигатель

Материю Аристотель связывал с возможностью, а форму — с действительностью.

Пока глина лежит комком, чаша существует только в возможности. Когда материал получает форму, возможность становится действительностью.

Список возможностей ограничен. Из жёлудя вырастет дуб, из котёнка — кот. Жёлудь не станет лошадью, котёнок — дубом.

Осуществление одной возможности не закрывает следующую. Ребёнок уже человек. Образованным ему ещё предстоит стать.

Энтелехией Аристотель называл осуществлённость внутренней цели: жёлудь стал дубом, котёнок вырос в кота, глаз действительно видит.

Душу Аристотель тоже называл энтелехией живого тела. Растение благодаря ей питается и растёт, животное ещё ощущает и движется, человек мыслит.

Но отдельного жилища внутри тела в этой схеме нет.

С отдельными вещами разобрались. Оставалось движение всего мира.

Всё движущееся получает движение от чего-то другого. Но если для каждой причины бесконечно искать предыдущую причину, объяснение так и не начнётся.

Поэтому цепь причин Аристотель довёл до перводвигате-

ля — чистой действительности без неосуществлённой возможности.

Перводвигатель служит высшей причиной и целью мирового движения.

Студент разделил страницу на четыре части.

Материальная причина подготовки — конспект, учебник и карточки.

Формальная — план.

Движущая — сам студент.

Оставалась целевая причина.

Он поставил тире.

Первым ответом было: сдать экзамен.

Студент уже собирался записать его, но остановился. Несколько недель он готовился с одной мыслью: сдать экзамен и больше не открывать этот конспект.

Ручка всё ещё лежала над страницей.

Кот-обломец спал в кресле, поджав под себя лапы.

Пустая строка так и осталась пустой. После четырёх причин собственного ответа у него пока не было.

ЧЕТЫРЕ ПРИЧИНЫ

Материальная, формальная, движущая и целевая причины

ИЗ ЧЕГО?

Материальная причина —
дерево, ткань и всё, из чего
кресло сделано.

КАК УСТРОЕНО?

Формальная причина —
устройство, благодаря которому
перед нами кресло, а не куча
досок.

КРЕСЛО

ПРИМЕР

КТО / ЧТО СДЕЛАЛО?

Движущая причина — работа
мастера, превратившего
материал в готовую вещь.

РАДИ ЧЕГО?

Целевая причина — сидеть и
отдыхать.

ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Материю Аристотель связывал с возможностью, а форму — с действительностью. Пока глина лежит комком, чаша существует только в возможности.

ЭНТЕЛЕХИЯ

Энтелехия —
осуществлённость
внутренней цели: жёлудь
стал дубом, котёнок вырос в
кота, глаз действительно
видит.

Глава 8. Аристотель: этика, политика и логика

Кот из прошлой главы выбрал кресло и через секунду забыл, что вообще что-то выбирал.

У человека так не получится. Чем больше у него свободы выбора, тем больше потом приходится отвечать за этот выбор.

Эвдемония и привычка

Высшую цель человеческой жизни Аристотель называл эвдемонией. Обычно это слово переводят как «счастье».

Для Аристотеля счастье нельзя свести к одному удачному дню. Он смотрел на жизнь в целом: как человек жил, что выбирал и какие привычки вырабатывал.

Готовой добродетели при рождении никто не получает. Справедливость, мужество и щедрость становятся привычкой через воспитание и повторение поступков. Один смелый поступок ещё не делает человека мужественным.

Вечером студент открыл конспект, посмотрел на оставшиеся темы и снова закрыл.

Один пропущенный вечер ничего же не решает.

Вчера он сказал себе то же самое.

Добродетель, считал Аристотель, лежит между двумя пороками — недостатком и избытком. Мужество — между трусостью и безрассудной дерзостью, щедрость — между ску-

постью и расточительностью. Эту меру называют золотой серединой.

Но с арифметикой здесь делать нечего. Половина трусости и половина безрассудства мужества не дадут. Готовой цифры Аристотель не оставил.

Чтобы отличить разумное отступление от трусости, придётся узнать, кто отступил, перед кем и зачем.

Полис для благой жизни

Справедливость проверяется в отношениях между людьми: нужно делить имущество, исполнять договоры и подчиняться общему закону.

Рядом с другим человеком приходится договариваться. В полисе приходится ещё и подчиняться закону, участвовать в общих делах.

У Аристотеля этика тесно связана с политикой.

Полис у Аристотеля не начинался с чертежа идеального государства. Семьи объединяются в селение, селения — в полис. Семья обеспечивает повседневные нужды. Полис существует не только ради жизни, но ради благой жизни.

Человека Аристотель называл политическим существом. От остальных животных его отличает речь: с её помощью люди обсуждают полезное и вредное, справедливое и несправедливое.

Поэтому полис не сводится к охране ворот и торговле. Граждане решают в нём общие дела, а закон приучает их к добродетели.

Платон описывал идеальное государство. Аристотеля больше занимали уже существующие формы правления. Он проверял их одним вопросом: правители заботятся об общем благе или о собственной выгоде?

Правильными формами Аристотель считал монархию, аристократию и политию. В них один правитель, небольшая группа или множество граждан должны были служить общему благу.

У каждой правильной формы было искажение.

Монархия превращалась в тиранию, если правитель начинал действовать ради себя. Аристократия вырождалась в олигархию — власть богатого меньшинства. Искжением политии становилась демократия, в которой большинство управляло ради собственной выгоды.

Под демократией здесь понимается аристотелевский термин. С современным парламентским государством его напрямую отождествлять нельзя.

Логика как орудие

Правильная цель не спасает ошибочный вывод.

Логические сочинения Аристотеля позднее называли «Органом» — «орудием». В них он разбирал понятия, суждения, доказательства и силлогизмы.

Силлогизм выводит заключение из двух посылок.

Все люди смертны.

Сократ — человек.

Следовательно, Сократ смертен.

Принял обе посылки — принимай и заключение.

Аристотель требовал непротиворечивости. Одно и то же нельзя одновременно утверждать и отрицать в одном отношении. Иначе спор теряет смысл: правильным можно объявить любой ответ.

Студент вспомнил рога из главы о софистах. Но первую посылку ещё требовалось доказать.

Логика проверяет, следует ли вывод из принятых оснований. Но сами основания приходится проверять отдельно.

Закрытый конспект лежал перед ним.

«Один пропущенный вечер ничего не меняет».

Удобная посылка.

Проверять её, конечно же, не стал.

Глава 9. Средневековая философия: Августин, Фома и схоластика

Античную философию Средневековье не забыло. На латинском Западе её читали в монастырях, соборных школах и университетах, спорили с ней и приспособляли к христианскому учению.

Особенно долго разбирались с Аристотелем. Его логика пригодилась сразу, а вечный мир без момента сотворения — нет.

От апологетики к схоластике

Европейское Средневековье обычно отсчитывают от падения Западной Римской империи в 476 году и доводят до XV века. Христианская философия началась раньше.

Во II–III веках христианские авторы защищали новую веру перед языческими критиками и римской властью. Среди них были Иустин Философ, Тертуллиан и Ориген. Этот период называют апологетикой.

После Миланского эдикта 313 года одной защиты стало мало. Теперь требовалось объяснить Троицу, творение, свободу, грех и благодать. Этой работой занимались Отцы Церкви. Их философию называют патристикой. Одним из её главных представителей стал Августин.

Позднее споры перешли в школы и университеты. Так возникла схоластика, связанная с именами Ансельма Кен-

терберийского, Пьера Абеляра, Фомы Аквинского и Уильяма Оккама.

Слово «схоластика» позднее приобрело почти ругательный смысл — так стали называть пустое и оторванное от жизни умствование. Изначально схоластикой называли вполне конкретную школьную и университетскую работу: поставить вопрос, разобрать доводы и возражения, затем дать ответ.

Средневековый спор начинается с Бога-Творца. Так появляется термин «теоцентризм».

В отличие от богов античных культов, живших внутри космического порядка, христианский Бог не занимает отдельный участок мира. Он создаёт сам мир из ничего — таков смысл креационизма.

Можно ли прийти до Бога, не открывая Священное Писание?

До некоторых выводов, отвечали средневековые мыслители, разум доберётся сам. Но Троицу, Воплощение и спасение из наблюдений за природой не выведешь: эти истины принимаются из Откровения.

После этого богослову всё равно требуется логика — объяснение не должно противоречить само себе. Безусловное первенство веры называют фидеизмом.

Экзегеза: как читать священный текст

Средневековая философия постоянно работала с уже данным авторитетным текстом. Экзегезой называют его истол-

кование: нужно было понять буквальный смысл, сопоставить место с другими фрагментами Писания и объяснить, как оно связано с вероучением. Поэтому спор шёл не только о том, что истинно, но и о том, как правильно читать источник истины.

Постепенно появилась привычка различать уровни смысла и проверять толкование логикой. Схоластический вопрос часто начинался не с пустого листа, а со столкновения двух авторитетных высказываний, которые требовалось согласовать.

Если бы любой вопрос закрывался одной цитатой, схоластике было бы нечем заниматься.

Августин: Бог, время и зло

Аврелий Августин жил в 354—430 годах и был епископом североафриканского города Гиппона. Он написал «Исповедь», «О граде Божьем», «О Троице» и «О свободе воли».

Устройство мира занимало его не меньше устройства человеческой души. Истину он искал в памяти, воле, совести и внутреннем обращении человека к Богу.

Августин ставил веру перед пониманием: «верую, чтобы понимать».

Августин считал истину неизменной, в отличие от человеческих мнений. Способность узнавать неизменное он связывал с божественным озарением, светом, который ум не производит сам.

Время Августин связывал с сотворённым миром. Поэто-

му вопрос «что Бог делал до сотворения мира?» поставлен неправильно: никакого «до» ещё не было. Само время возникло вместе с миром.

Прошлого уже нет, будущего ещё нет, а настоящее ускользает. В душе они всё же удерживаются как память, ожидание и внимание.

Труднее было объяснить зло.

Если Бог благ и всемогущ, откуда оно взялось?

Позднее этот вопрос назовут проблемой теодицеи. Августин не признавал зло самостоятельной сущностью, которая противостоит добру на равных.

Зло — недостаток или повреждение добра.

Нравственное зло начинается, когда воля нарушает порядок благ. Удовольствие, власть или богатство сами по себе не составляют особой злой материи. Беда начинается, когда их ставят выше справедливости и Бога.

Выбор делает человек, поэтому вину на Творца не переложить. Но после грехопадения воля повреждена, и для спасения ей требуется благодать.

Так возникает трудная связка свободы и предопределения. Августин настаивал и на зависимости спасения от благодати, и на нравственной ответственности человека. Позднейшая западная традиция будет снова и снова спорить, где проходит граница между Божьим предведением, благодатью и свободной волей — от средневековой схоластики до Лютера.

Божье знание будущего не даёт человеку отговорки:
— Значит, от меня ничего не зависело.

Закрытый конспект снова лежал перед ним.

Вчера виноваты были усталость, поздний час и слишком длинный список тем.

Самого студента среди причин не оказалось.

Два града и Троица

После разграбления Рима в 410 году языческие авторы обвинили в бедствии христианство.

Августин ответил книгой «О граде Божьем»: гибель империи не означала гибели веры. Он различал град Божий и град земной.

Первый возникает из любви к Богу, второй — из любви человека к самому себе, доведённой до презрения к Богу.

Эти грады не совпадают полностью ни с церковью, ни с государством. В земной истории их жители перемешаны, а окончательное разделение наступит лишь в её конце.

Вместе с этим Августин отвергал круговое понимание истории. У неё есть начало — творение и грехопадение — и направление к суду и спасению.

Христианское учение говорит об одном Боге в трёх лицах — Отце, Сыне и Святом Духе. Августин искал аналогии в человеческой душе: память, разумение и воля. Ещё одна аналогия — любящий, любимое и любовь. Это были не чертежи устройства Бога, а попытка не свести Троицу к трём богам или сменяющимся маскам.

Фома Аквинский: вера встречается Аристотеля

В XIII веке сочинения Аристотеля стали доступны латинскому Западу гораздо полнее.

Фома Аквинский, доминиканец, живший в 1225–1274 годах, использовал его понятия материи и формы, возможности и действительности, причины и цели.

Фома перестраивал систему под христианские положения о творении, душе и Боге.

Главные его труды — «Сумма теологии», «Сумма против язычников» и комментарии к Аристотелю.

Каждая тема в «Сумме теологии» проходит почти судебную процедуру: ставится вопрос, приводятся возражения, затем довод против них, собственный ответ Фомы и разбор каждого возражения.

Схоласт не прятал неудобный аргумент.

Он ставил его первым.

Фома разделял вопросы по источнику ответа. До первой причины, считал он, разум способен дойти сам. О Троице или Воплощении природа ничего не сообщит — здесь требуется Откровение.

Противоречие между верой и разумом Фома считал следствием ошибки: либо в доказательстве, либо в толковании.

Учение Фомы получило название томизма. В XIX веке католическая философия пережила его новое прочтение — неотомизм. Поэтому Фома остался не только средневековым автором: его язык естественного закона, разума, цели и че-

ловеческого достоинства до сих пор используется в католической этике и социальной философии.

Пять путей

Фома предложил пять путей рассуждения о существовании Бога. Он начинал с наблюдаемого мира.

От движения и изменения он шёл к перводвигателю. От цепи действующих причин — к первой причине. От вещей, которые могут существовать или не существовать, — к необходимому бытию. От степеней истины, добра и совершенства — к высшей мере. От порядка неразумной природы — к разумному источнику.

Троицу или Воплощение они не раскрывают. Здесь Фома проводил границу возможностей разума.

Человека Фома понимал как единство души и тела. Душа — не случайный жилец, запертый в теле, а его форма. После смерти она сохраняется, но человек в полном смысле предполагает единство обоих начал.

Разум и свободная воля позволяют человеку понимать свой поступок и отвечать за него.

Земная власть нужна ради общего блага, однако последняя цель человека — блаженство и соединение с Богом — лежит за пределами политики.

Абеляр, Оккам и школьный спор

Пьер Абеляр в книге «Да и нет» поставил рядом высказывания церковных авторитетов, которые противоречили друг другу.

Запрещать вопрос он не стал. Читателю приходилось смотреть, где и зачем была сказана фраза, проверять значения слов и силу доводов.

Позицию Абеляра передают формулой «понимаю, чтобы верить». Абеляр не позволял прикрывать путаницу ссылкой на веру.

Перед нами рыжий кот и чёрный кот. Оба — коты.

Но где существует «кот вообще»: в самих вещах или только в языке и уме?

Так выглядел спор об универсалиях. Реалисты считали общее не выдумкой языка и находили для него основание в реальности. Номиналисты оставляли самостоятельное существование конкретным вещам, а универсалию понимали как общий знак.

Фома Аквинский объяснял универсалии сразу на трёх уровнях. До вещей — в уме Бога. В вещах — как их форма. После вещей — в человеческом уме.

Абеляр занимал концептуалистскую позицию. Общего «кота вообще» как отдельной вещи в мире нет. Но понятие кота существует в человеческом уме и позволяет узнавать общее в разных животных.

Уильям Оккам продолжил номинализм. Его «бритва» срезает лишние сущности: если объяснение работает без нового предположения, придумывать его незачем.

Но простота ещё не доказывает истину.

Однoгруппник написал студенту:

— Схоластика — это когда на любой вопрос отвечают цитатой?

Схема из «Суммы теологии» лежала перед ним. Он ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.